

Минор Осип Соломонович

Это было давно

**Воспоминания солдата
революции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-74

О-74 **Осип Соломонович М.**
Это было давно: Воспоминания солдата революции / Минор Осип Соломонович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 150 с.

ISBN 978-5-519-96673-3

ISBN 978-5-519-96673-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

За несколько месяцев до своей смерти, по поводу предполагавшегося собрания, посвященного дорогой нам памяти члена комитета Политического Красного Креста, Татьяны Самойловны Потаповой, Осип Соломонович Минор, с присущей ему суровой категоричностью горячо убежденного человека, заявил: «Я знаю только один способ чтить память революционера и общественного деятеля, — это продолжать то дело, которому он служил». Товарищи Осипа Соломоновича по Политическому Красному Кресту полагают, что они действуют в полном соответствии с волей своего незабвенного председателя, воспроизводя для широкой публики эти странички из его воспоминаний о долгих годах неутомимой и жертвенной революционной борьбы. По желанию семьи покойного и благодаря дружеской отзывчивости типографии de la Société Nouvelle d'Imprimerie et d'Edition, взявшей на себя труд и предварительные расходы по изданию, весь чистый доход от продажи этой книжки пойдет на дело помощи политическим ссыльным и заключенным в России, — на дело, которому Осип Соломонович отдавал до последних дней своей жизни так много времени и сил.

Воспоминания О. С. Минора были им написаны для газеты «Русский Солдат-Гражданин во Фран-

ции», выходившей в Париже в 1917-1921 годах и обслуживавшей многотысячную массу солдат русского экспедиционного корпуса и военнопленных, перекинутых из Германии во Францию после перемирия.¹⁾ Ограниченные размеры этого скромного органа и самый состав его читательской аудитории определили до известной степени характер этих воспоминаний, заставив автора выбрать из богатой истории своего революционного прошлого лишь немногие особенно яркие странички. Но даже в таком виде эти воспоминания были отмечены в московском журнале Общества Политических Каторжан и Ссылных-Поселенцев, как представляющие «наибольший интерес» из всей зарубежной межуарной литературы, относящейся к народовольческой эпохе.²⁾

Со времени появления воспоминаний О. С. Минора в России издано огромное количество исследований и межуаров, более подробно освещающих этот период русского революционного движения, — в частности, знаменитой «якутской бойне» посвящен специальный сборник.³⁾ Но и наряду с этими из-

1) Воспоминания печатались небольшими отрывками на протяжении 31-го номера газеты (апрель-ноябрь 1919 г.).

2) См. статью Б. Н-ского, *Каторга и Ссылка*, 1926 г., № 5(26), стр. 256 и след.

3) *Якутская трагедия 22 марта 1889 года*. Сборник воспоминаний и материалов под редакцией М. А. Брагинского и К. М. Терешковича. Издание Общества Политических Каторжан и Ссылно-Поселенцев. Москва, 1925 г.

данными настоящие «Странички из воспоминаний солдата революции» сохраняют, думается, не только человеческую, но и историческую ценность.

Описывая события, которых он был участником, Осип Соломонович, со своей обычной, столь для него характерной, скромностью, меньше всего выделяет свою личную роль; если иногда, в виде исключения, он задерживается на личных переживаниях, они всегда направлены на интересы общего, беззаветно дорогого ему дела. И тем не менее, все, кто имели счастье с ним соприкасаться, найдут в этих безискусственных правдивых страничках, помимо исторических фактов, знакомый отблеск его непреклонного пламенного сердца, его, несломленной даже иречью нового изнания, веры в конечное торжество дорогих ему идей свободы и социализма. Мощный, несогнутый непогодами дуб, корнями уходивший в историю русского освободительного движения, но вечно зелеными ветвями всегда умевший приветствовать «племя молодое, незнакомое», — таким остается Осип Соломонович Минор в памяти тех, кто его знал и любил, и таким он вырастает на страницах этой небольшой книги, изданием которой мы хотели почтить его память.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ В ПАРИЖЕ

В 1883 году, в начале октября, московскую учащуюся молодежь усиленно обыскивали и арестовывали по приказу из Петербурга от царского департамента полиции. Как раз в это время в столице убит был революционерами начальник политической полиции Судейкин по приговору Исполнительного Комитета партии Народной Воли, причем участники убийства успели скрыться. Шли поиски, а так как у полиции в то время не было никаких сведений, то она просто и бессмысленно искала и готова была чуть ли не каждого студента заподозрить в убийстве Судейкина.

Я в то время был студентом московского университета и, как все почти студенты, примыкал к партии Народной Воли и был занят совсем не науками, а пропагандой в рабочей среде.

Вл. Розенберг, недавний еще редактор известной московской газеты «Русские Ведомости», закрытой большевиками, А. Введенский, Андреев, Ф. Данилов, М. Гоц, М. Фондаминский, У. Рубинов, Хлопков, Золотницкий, М. Лаврусевич, Баранов и др. составля-

ли кружок народовольцев, задавшийся целью помогать партии всеми силами. Все мы были, конечно, на виду у полиции. И за наш кружок она принялась... Обыски дали ничтожные результаты — у меня нашли несколько недозволенных газет, у Баранова немного типографского шрифта и части типографского самодельного станка, у Сергея Сотникова револьвер, и т. д. Всех нас в числе многих десятков рабов божьих посадили в тюрьмы. В качестве тюрем для подследственных политических арестованных служили арестные дома при городских участках. Я попал в отвратительный, грязный, сырой 1-й участок, в одиночку.

Жутко в первый раз в тюрьме... Полная тишина наступила после того, как меня ввели в одиночную камеру, заперли дверь на замок, задвинули поперечную железную перекладину. Прозвучали тяжелые шаги надзирателя по корридору, захлопнулась корридорная тяжелая дверь... Кругом тихо, тихо... В обмерзшее окно еле-еле проникает свет. Сыро. Пол покрыт толстым слоем слизистой грязи. Всюду щели. Налево у стенки грязная деревянная кровать. На ней сенник грязный, вероятно, никогда немытый, такая же подушка. Сено в них от долгого употребления запылело и обратилось в твердую пыль. На них видны всевозможные следы человеческой жизни, и гадость, и кровь... Наверно лежал здесь какой-нибудь несчастный чахоточный, истекавший кровью... А может быть пороли кого-нибудь до крови,

а после бросили на этот тюфяк? Как же я тут буду лежать, невольно подумалось... Жутко... Я вернулся... У другой стенки — небольшой изломанный столик с ящиком и табуретка. Наконец, в углу у дверей, против кровати — парашка... Ведро, снаружи обмазанное дегтем, густым, прызным... Крышки нет. Фу!.. Какой воздух!.. Отравленный! Дышать трудно. Над столиком маленькая полка. На ней горсточка соли, грязной, перемешанной с пылью и засохшими крошками хлеба; грязный железный чайник с поломанной крышкой. Все в пыли. Стало противно. Нельзя ни ходить, ни сидеть, ни лежать... Стал смотреть в окно. Видны сквозь решетку клочки серого неба.

Я чувствовал необходимость уйти от этой тишины, от грязи. Стал механически передвигаться вдоль стены, и вдруг передо мною открылся целый мир страданий, томления, любви, мир упорной радостной борьбы за счастье. Стены сплошь исцарапаны и исписаны именами любимых людей, стихами, посвященными то сестре, то матери; то любимой девушке или любимому юноше. «Не забуду тебя никогда! Я только живу тем, что закрою глаза — и вижу тебя, дорогая мама!». «Верь, я честен! Не думай, что в тюрьму попадают только негодные люди!». «Но настанет пора и восстанет народ!..». Всех надписей, конечно, не перечесть, но вдумываясь в них, я почувствовал, что камера ожила, наполнилась целой массой людей, плачущих, гордых, любящих,

ненавидящих, страдающих, смеющихся... Жуть прошла. Я не один! Часы проходили, а я читал и перечитывал живые слова живых людей. Стемнело. Грязь покрывалась темным пологом, исчезла на тюфяке, на подушке, и я, усталый, измученный, свалился и быстро, спокойно заснул. Так началась моя тюремная жизнь. Дни потянулись, как смола, недели летели, как стрелы. Дни раза два в неделю разнообразились свиданиями, за которые каждый раз смотритель получал пять рублей, и допросами в охранке. Следствие велось, будто в самом деле я серьезный преступник, под руководством самого знаменитого прокурора Муравьева.

На первом-же допросе, на его вопрос, читал-ли я газеты «Земля и Воля» и «Народная Воля», я ответил утвердительно. Он обрадовался.

— А скажите, кто вам давал их?

Он думал, что после первой откровенности я несомненно удовлетворю его «любопытство» и дальше, но я заявил, что нашел целую пачку газет в университете, у себя на столике. Он сделал недовольное движение и начал меня запугивать каторгой, тюрьмой...

После этого допросы кончились, ибо когда меня во второй раз привезли в охранку, повторилась та же картина. К тому же вопросы мне предлагались такие, о которых я вообще-то ничего не мог сказать, ибо в те годы, как я уже сказал, я занят был исключительно пропагандой.

О. С. Микор
4-го мая 1888 г.
Бутырская тюрьма

